

МІЖНАРОДНЕ ПРАВО

Щёкин Юрий Вадимович,
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры права Европейского Союза,
Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого, Украина, г. Харьков
e-mail: yuri.v.shchokin@gmail.com
ORCID 0000-0002-8082-2367

doi: 10.21564/2414–990X.154.238587
УДК 341.01

ПРИЗВАНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В ЦЕЛОМ

*В статье рассмотрены особенности применения п. 1 (b) ст. 48 Проекта статей об ответственности государств, разработанного Комиссией международного права ООН и принятого к сведению Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией 56/83 от 12 декабря 2001 г. Норма данной статьи закрепляет право любого государства, не являющегося потерпевшим, призвать к международно-правовой ответственности государство, совершившее нарушение обязательства в отношении международного сообщества в целом. Обращено внимание на то, что понятие «обязательство в отношении международного сообщества в целом» – это новая категория, предложенная Комиссией международного права в рамках прогрессивного развития теории норм *erga omnes* и *jus cogens*. Автор сравнивает данные виды обязательств и указывает на ряд проблем, которые могут возникнуть при толковании данного понятия с целью практического применения данной нормы.*

Ключевые слова: *actio popularis*; международно-правовая ответственность государств; призывание к международно-правовой ответственности; обязательства в отношении международного сообщества в целом; международное сообщество; нормы *jus cogens*; нормы *erga omnes*.

Щокін Ю. В., доктор юридичних наук, доцент, доцент кафедри права Європейського Союзу, Національний юридичний університет імені Ярослава Мудрого, Україна, м. Харків.
e-mail: yuri.v.shchokin@gmail.com ; ORCID 0000-0002-8082-2367

Покликання до відповідальності держави за порушення зобов'язань щодо міжнародної спільноти в цілому

У статті розглянуто особливості застосування п. 1 (b) ст. 48 Проекту статей про відповідальність держав, розробленого Комісією міжнародного права ООН і прийнятого до відома Генеральною Ассамблеєю ООН резолюцією 56/83 від 12 грудня 2001 р. Норма даної статті закріплює

право будь-якої держави, яка не є потерпілою, закликати до міжнародно-правової відповідальності державу, що вчинила порушення зобов'язання щодо міжнародного співтовариства в цілому. Звернено увагу на те, що поняття «зобов'язання щодо міжнародної спільноти в цілому» – це нова категорія, що запропонована Комісією міжнародного права в рамках прогресивного розвитку теорії норм *erga omnes* і *jus cogens*. Автор порівнює дані види зобов'язань і вказує на низку проблем, що можуть виникнути при тлумаченні даного поняття з метою практичного застосування цієї норми.

Ключові слова: *actio popularis*; міжнародно-правова відповідальність держав; покликання до міжнародно-правової відповідальності; зобов'язання щодо міжнародної спільноти в цілому; міжнародне співтовариство; норми *jus cogens*; норми *erga omnes*.

Введение. Использование международно-правовых механизмов призвания к ответственности одним или несколькими государствами государств-правонарушителей в целях поддержания всеобщего мира и правопорядка – в целом достаточно известная идея, обсуждаемая в доктрине международного права не один десяток лет. Не будет преувеличением утверждать, что она пронизывает всё международное право, заложенное государствами – учредителями Организации Объединённых Наций. И с её развитием осознание важности и актуальности этой цели для формирования единой и эффективной системы общего международного права всё больше укрепляется.

Несмотря на наличие очевидных процессов фрагментации международного права, в его основе остаются универсальные международно-правовые ценности, нуждающиеся в эффективной защите. Одним из важнейших элементов этой защиты выступает институт призвания к международно-правовой ответственности государства за нарушение обязательств перед международным сообществом в целом. На данный момент итог многолетней дискуссии о содержании этого института воплотился в Проекте статей об ответственности государств, принято к сведению Генеральной Ассамблеей ООН своей резолюцией 56/83 от 12 декабря 2001 г. [7] (далее – Проект 2001). Несмотря на то, что перспективы превращения Проекта 2001 в полноценный международный многосторонний договор выглядят весьма туманными, его нормы, по всеобщему признанию специалистов, стали или имеют высокую вероятность стать международно-правовыми обычаями.

Постановка проблемы. Право одного государства на призвание к международно-правовой ответственности другого государства за нарушение им обязательств в отношении международного сообщества в целом предусмотрено п. 1 (b) ст. 48 Проекта 2001. Эта статья регулирует отношения «призвания к ответственности государством, иным, чем потерпевшее государство». Буквально норма п. 1 (b) ст. 48 сформулирована следующим образом:

«Любое государство, иное, чем потерпевшее государство, вправе призвать к ответственности другое государство в соответствии с пунктом 2, если ... нарушенное обязательство является обязательством в отношении международного сообщества в целом».

Статья 48 Проекта 2001 стала одним из воплощений продолжающейся уже несколько десятилетий дискуссии о международно-правовой ответственности

государств за нарушения норм общего международного права. Результат, на который вышла Комиссия международного права ООН (далее – КМП) в 2001 г., приняв Проект 2001, добавил в неё новых оттенков. «Обязательства в отношении международного сообщества в целом» стали одним из них, поскольку они были явно обособлены от «обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», ответственность за «серьёзные нарушения» которых предусмотрены Главой III (статьи 40 и 41) Проекта 2001.

Этот нюанс был сразу отмечен в зарубежной доктрине. На него, в частности, обратили внимание такие ученые как В. Х. Асевес (W. J. Aceves), А. Бёрд (A. Bird), И. Б. Вейсс (E. B. Weiss), Н. Ч. Димовска (N. Ch. Dimovska), К. Кавасаки (K. Kawasaki), Дж. Кроуфорд (J. Crawford), П. Клейн (P. Klein), И. Скоббье (I. Scobbie), С. Чубрикье (S. Chubrikj), М. Хаками (M. Nakimi). В российской доктрине международного права подготовлено ряд серьёзных работ по проблемам содержания и юридического значения основных принципов международного права, норм *jus cogens* и *erga omnes*, в частности, такими специалистами, как Л. А. Алексидзе, Л. П. Ануфриева, И. И. Лукашук, Е. Т. Усенко, С. В. Черниченко и др. В украинской доктрине данная тема проигнорирована практически полностью.

Цель настоящей статьи состоит в раскрытии содержания понятия «обязательства в отношении международного сообщества в целом» как одного из новых направлений развития норм общего международного права.

Изложение основного материала. Включение в Проект 2001 ст. 48 стало прямым следствием применения КМП концепции «объективной» ответственности, ставшей идейной основой этого документа. Эта концепция вывела на первый план «объективные» интересы международного сообщества и привела к отказу от представлений об ответственности государств как отношений исключительно двусторонних. КМП, характеризуя концепцию, заявила о наличии у государств обязательства «уважать международное право, даже если они, не соблюдая его, не наносят ущерба конкретным интересам другого государства, и даже если нарушение не причинило непосредственного ущерба другому субъекту международного права» [3, с. 82].

В свою очередь концепция «объективной» ответственности стала модификацией гораздо более древней теории – *actio popularis*, известной ещё со времен древнеримского права. Дискуссия о её применении в международном праве вспыхнула с новой силой во многом в связи с рассмотрением Международным судом ООН дела о *Юго-Западной Африке* в первой половине 1960-х. Это как раз был момент, когда КМП отказалась от более узкого рассмотрения вопросов ответственности в международном праве (как ответственности государств за ущерб, причинённый иностранцам и их имуществу) и переходила к более широкому – ответственности государств за международно-противоправные деяния. Уже в 1962 г. при принятии Международным судом решения по данному делу на стадии предварительных возражений судьи высказали, по сути, диаметрально противоположные мнения о роли этой теории.

Так, председатель Суда Б. Виньярский (B. Winiarski) в своём особом мнении к решению указал, что «институт, известный из древнего римского уголовного права как “*actio popularis*”, представляется, однако чуждым современным правовым системам 1919–1920 годов и международному праву» [13, р. 452] (здесь и далее – перевод наш. – Ю. Щ.). Ему оппонировал судья Ф. Джессеп (Ph. Jessup), заявивший о наличии у государств общих «законных интересов, не затрагивающих их финансовые, экономические или другие «материальные» или, скажем, «физические» или «реальные» интересы» [18, р. 425]. По его мнению, они вытекают из «права государства беспокоиться, исходя из общих гуманитарных соображений, о злодеяниях, затрагивающих людей в другой стране». Ф. Джессеп обратил внимание на то, что в международные договоры последнего столетия включались не только нормы, закрепляющие «правовые интересы государств в общих гуманитарных целях», но и соответствующие процедуры, обеспечивающие их реализацию [18, р. 425].

В 1966 г. при вынесении решения по существу по делу о Юго-Западной Африке Международный суд поддержал позицию Б. Виньярского, признав, что государства-заявители – Либерия и Эфиопия – не могут рассматриваться в качестве сторон, имеющих законное право или интерес по существу своих требований. В частности, Суд подчеркнул, что поскольку «права Заявителей должны определяться с учётом характера системы, которая, как утверждается, их породила, [он] считает, что аргумент «необходимости» оправдывает отсутствие правдоподобия в контексте экономики и философии этой системы» [19, р. 47]. И далее Суд прямо заявил, что не собирается разрешать в международном праве эквивалент *actio popularis*: «Хотя такое право может быть известно некоторым муниципальным системам права, оно неизвестно международному праву в том виде, в котором оно существует в настоящее время; Суд также не может считать его импортируемым «общими принципами права», о которых идёт речь в пункте 1 (с) Статьи 38 своего Статута» [19, р. 47].

Иски, вытекающие из использования теории *actio popularis*, действительно до сих пор имеют место в правовых системах ряда европейских государств и связаны преимущественно с регулированием муниципальных отношений. Они могут быть поданы в интересах всего общества или его отдельной группы, которые не являются непосредственно пострадавшими или жертвами правонарушения. Такого рода иски направлены на признание и обеспечение солидарности между интересами общества (отдельной социальной группы) и индивидуальными интересами его члена [см.: 14, р. 27; 9, р. 353–402; 12].

С древних времён общий смысл теории не изменился. Хотя, как было уточнено отдельными исследователями, она не классически древнеримская, а постклассическая, закреплённая, в частности, в кодексе Юстиниана. Институт *actiones populares* был частью обязательственного права, содержащего лишь некоторые элементы уголовного преследования. Эти иски были *quasi ex delicta*, т.е. вытекали из фактов, представляющих правонарушение и дающих основание для возмещения материальных убытков и только иногда для привлечения к

уголовной ответственности. Так, Э. Швелб ((E. Schwelb) пишет: «*Actio de deiectis vell effusis* было направлено против домовладельца, из жилища которого были выброшены предметы или жидкости с тем, чтобы причинить вред людям на улице. Домовладелец также нес ответственность, если его раб, гость или ребенок были ответственны за [такое] бросание или выливание. Римский претор предоставлял *actio de posito et suspenso* каждому представителю общности, когда что-либо размещалось или подвешивалось снаружи дома или в окне таким образом, чтобы подвергать опасности проходящих мимо» [16, р. 47].

Конечно, о применении теории *actio popularis* в международном праве именно в таком, близком к первоначальному, контексте вряд ли может идти речь. Однако сам общий подход, который проницательно уловил Ф. Джессеп, уже давно являлся востребованным. И спустя всего четыре года после решения о *Юго-Западной Африке* Международный суд принял решение по делу Барселона Трэкшн (1970 г.), в п. 33 которого впервые заявил о поддержке концепции международно-правовых обязательств *erga omnes*: «Основное различие следует проводить между обязательствами государства по отношению к международному сообществу в целом и обязательствам, возникающим по отношению к другому государству в области дипломатической защиты. По самой своей природе первые касаются всех государств. Ввиду важности задействованных прав все государства могут рассматриваться в качестве имеющих правовой интерес в их защите; речь идёт об обязательствах *erga omnes*» [11, р. 32]. В том же году, а именно 24 октября 1970 г., Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция 2625 «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН». А годом ранее – в 1969 г. – была принята Венская конвенция о праве международных договоров, ст. 53 которой включила понятие императивной нормы общего международного права (*jus cogens*): «Императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» [2].

Таким образом, в международном праве была всесторонне укоренена идея наличия общих (универсальных) обязательств, неукоснительное соблюдение которых имеет особо приоритетное значение для всего мирового сообщества. Последовавшая за этим дискуссия сосредоточилась, во-первых, на установлении их юридического содержания, и, во-вторых, на определении способов их практического соблюдения. В этом смысле ст. 48 Проекта 2001 стала своеобразным итогом этой дискуссии. Разработчики документа в определённой мере выделили рациональное зерно теории *actio popularis* и попытались адаптировать его к международному праву.

Согласно комментарию к ст. 48 Проекта 2001, целью такого призвания государства, иного, чем потерпевшее, является защита общих интересов либо отдельной группы государств, либо всего международного сообщества. КМП

подчеркивает, что в данном случае государство, призывающее к ответственности, действует не индивидуально, а в качестве члена группы государств или члена международного сообщества в целом [см.: 4, с. 154]. И в первом, и во втором случае общие интересы государств должны основываться на конкретных международно-правовых обязательствах, независимо от источника их закрепления.

Содержание нарушенного обязательства, затрагивающего «коллективный интерес группы» (п. 1 (а) ст. 48), является уже содержания нарушенного обязательства «в отношении международного сообщества в целом» (п. 1 (b) ст. 48), хотя и может затрагивать жизненно важные региональные или субрегиональные аспекты (защита окружающей среды, создание безъядерных или особых экономических зон и т.п.). Главное, как отмечает КМП, в том, чтобы коллективные обязательства группы выходили за рамки двусторонних отношений её участников [см.: 4, с. 154]. Норма п. 1 (а) ст. 48 сохраняет позицию Постоянной палаты международного правосудия, выраженную ею в решении по делу о пароходе Уимблдон, в котором были признаны «законные интересы» в том числе и у тех участников многостороннего договора, бывшего предметом спора, которые не понесли непосредственного ущерба [см.: 20, р. 20].

Пункт 1 (b) ст. 48 Проекта 2001 фиксирует итоги многолетней дискуссии об «обязательствах в отношении международного сообщества в целом». О её незавершенности свидетельствует прежде всего то, что КМП так и не указала, что же следует понимать под «международным сообществом». Его идентификация лежит в основе выработки правил регулирования отношений между государством-правонарушителем и другими государствами, непосредственно не затронутыми этим правонарушением. Как отмечал в связи с этим П. М. Курис, «опасность, в частности, состоит в том, что выражение «международное сообщество» у некоторых авторов нередко ассоциируется с пресловутой идеей мирового государства». В практическом воплощении она сводится к наделению соответствующими полномочиями определённых международных межправительственных организаций, обладающих явно выраженными наднациональными полномочиями, поскольку «международное сообщество в виде автономного феномена, обладающего качеством субъекта международного права», существовать не может. По мнению учёного, «использование термина «международное сообщество» в современном международном праве допустимо только для обозначения всей совокупности государств, участвующих в международных отношениях» [5, с. 61]. Отметим, что именно такой подход следовал из толкования ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров, в которой говорится о «международном сообществе государств в целом».

Сама КМП в ст. 48 Проекта 2001 не указала на то, что именно понимается под выражением «международное сообщество в целом». Отмечая его, Комиссия ссылается на свой же комментарий к ст. 25 Проекта 2001 («Состояние необходимости»), в п. 1 (b) которой оно также использовано. КМП обращает внимание на то, что оно отличается от выражения, использованного в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. – «международное сообщество

государств в целом» [3, с. 100]. В доктрине исключение слова «государств» из данного выражения истолковано как значительное расширение круга субъектов международного права, охватываемых понятием «международное сообщество в целом», и, соответственно, обладающих правом на призывание к ответственности по ст. 48 Проекта 2001 [см.: 21, р. 803–804; 17, р. 1209].

Следующий момент, обращающий на себя внимание, состоит в том, что в п. 1 (b) ст. 48 Проекта 2001, апеллирующем к международно-правовым «обязательствам в отношении международного сообщества в целом», КМП отказалась использовать термин *erga omnes* (хотя некоторые специалисты всё-таки ставят знак равенства между ними [см.: 15, р. 149]). По её мнению, он «несёт меньше информативности, чем ссылка Суда на международное сообщество в целом, и под ним иногда ошибочно понимают обязательства перед всеми сторонами того или иного международного договора» [4, с. 155]. При этом в качестве примеров таких обязательств КМП указала на запрещение агрессии и геноцида, защиту от рабства и расовой дискриминации (решение МС по делу Барселона Трэкшн), право народов на самоопределение (решение МС по делу о Восточном Тиморе), т.е. на те примеры, которые приводились Судом в качестве обязательств *erga omnes*. Как следует из логики Комиссии, содержание «обязательств перед международным сообществом в целом» шире содержания обязательств *erga omnes*. Оно охватывает их. Отмечается, что данный подход получит в международном праве прогрессивное развитие.

Здесь следует заметить, что все приведенные КМП примеры обязательств *erga omnes* одновременно являются примерами общепризнанных императивных норм международного права (*jus cogens*). Парадокс в том, что в Проекте 2001 вопросам привлечения государств к ответственности за нарушение императивных норм посвящена отдельная глава – Глава III под наименованием «Серьёзные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», состоящая из двух статей: 40 «Применение настоящей Главы» и 41 «Особые последствия серьёзного нарушения обязательства согласно настоящей Главы». И в качестве примеров общепризнанных императивных норм международного права, которые, «судя по всему, практически не вызывают возражений», КМП называет «запрещение рабства и работорговли, геноцида и расовой дискриминации, и апартеида» [4, с. 136]. Кроме них, по мнению Комиссии, к нормам, чей «императивный характер также не вызывает сомнений», можно отнести запрещение пыток, как это предусмотрено ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.; основных норм международного гуманитарного права, применимого во время вооружённых конфликтов; обязательство уважения права на самоопределение [4, с. 137].

Вряд ли в настоящее время всё ещё необходимо доказывать прямую и непосредственную связь между нормами *jus cogens* и *erga omnes*. Дискуссия ведется больше о формах и степени их взаимного проникновения: а) все императивные нормы – это нормы *erga omnes* и наоборот (т.е. не императивных норм *erga*

omnes по определению не бывает [8, с. 6–10]) или б) содержательно понятие *erga omnes* шире понятия *jus cogens*, т.к. может охватывать основные принципы международного права (которые функционально не идентичны *jus cogens*, поскольку, как отмечает Л. П. Ануфриева, в отличие от них «обеспечивают роль несущей конструкции и ориентира (вектора) развития» международного права [1, с. 20]) и некоторые важнейшие универсальные диспозитивные обязательства.

В любом случае представляется очевидным, что нормы и *jus cogens*, и *erga omnes* охватываются содержанием понятия «обязательств в отношении международного сообщества в целом», каково бы ни было его дальнейшее прогрессивное развитие. Однако в Проекте 2001 они разделены. А. Бёрд (A. Bird) объясняет это следующим образом: «Разница в акцентах. В то время как императивные нормы сосредотачиваются на объёме и приоритете, которые должны быть присущи определённому количеству фундаментальных обязательств, основное внимание в обязательствах перед международным сообществом в целом уделяется правовым вопросам всех государств в их соблюдении» [10, р. 885–886]. Исходя из этого, отмечает специалист, КМП по-разному отразила последствия их нарушения. Она пишет: «Во-первых, серьёзные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права, могут повлечь дополнительные последствия не только для ответственного государства, но и для всех других государств. Во-вторых, все государства вправе призвать к ответственности за нарушение обязательств перед международным сообществом в целом. Первое из этих предложений рассматривается в ст. 41, второе рассматривается в ст. 48 Проекта Статей» [10, р. 886].

Вероятно, здесь есть определённая логика. Она была бы абсолютно ясной, если бы примеры обязательств *jus cogens* и «в отношении международного сообщества в целом», приведённые Комиссией в комментариях к соответствующим статьям, отличались. Однако они полностью идентичны и потому однозначно запутают любого правоприменителя. Тем более, что, по мнению КМП, и выбор оснований призвания к ответственности, и процедуры в каждом из случаев отличаются.

Так, согласно п. 2 ст. 48 Проекта 2001 возможности государства, не являющегося потерпевшим, по призыванию к ответственности ограничены правом требования, во-первых, прекращения международно-противоправного деяния и предоставления заверений и гарантий его неповторения (п/п «а»), и, во-вторых, исполнения обязательства по возмещению в интересах потерпевшего государства или бенефициариев нарушенного обязательства (п/п «б»). КМП обращает внимание на то, что данный перечень является исчерпывающим. Кроме этого, он наделяет государство, не являющееся потерпевшим, более ограниченным объёмом средств реагирования в рамках реализации права по призыванию к ответственности государства-правонарушителя. Государство, не являющееся потерпевшим, не наделяется правом призывать к возмещению ущерба в собственных интересах. По мнению КМП это является результатом того, что правовой режим призвания по ст. 48 направлен на факт правонарушения, а не на его последствия [см.: 4, с. 155].

В свою очередь Комиссия сформулировала иные последствия нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм международного права. Согласно п. 1 ст. 41 Проекта 2001 «государства должны сотрудничать с тем, чтобы правомерными средствами положить конец любому серьёзному нарушению по смыслу статьи 40». И согласно п. 2 ст. 41 Проекта 2001 «ни одно государство не должно признавать правомерным положение, сложившееся в результате серьёзного нарушения по смыслу статьи 40, и не оказывать помощь или содействие в сохранении такого положения».

С одной стороны, можно согласиться с Комиссией в том, что в случае нарушения императивных обязательств акцент сделан в большей мере на последствиях, чем на факте правонарушения (к чему апеллирует п. 2 ст. 48 Проекта 2001). Но, с другой стороны, и теория, и практика международного права все эти последствия (по ст. 41 и п. 2 ст. 48 Проекта 2001) всегда объединяют. Например, в случае совершения акта агрессии (являющегося, по мнению КМП, нарушением и обязательств перед международным сообществом в целом, и императивной нормы международного права) государство, не являющееся непосредственно потерпевшим, должно:

а) потребовать у правонарушителя прекращения этого международно-противоправного деяния и предоставления заверений в том, что оно больше не повторится (п/п «а» п. 2 ст. 48 Проекта 2001);

б) потребовать у государства-правонарушителя возмещения в интересах потерпевшего государства (п/п «b» п. 2 ст. 48 Проекта 2001);

в) сотрудничать с другими государствами, чтобы правомерными средствами положить конец этому акту агрессии (п. 1 ст. 41 Проекта 2001);

г) не признавать правомерным положение, сложившееся в результате этого акта агрессии, и не оказывать помощь или содействие в сохранении его последствий (п. 2 ст. 41 Проекта 2001).

Как видим, последствия нарушений вроде бы разных видов международно-правовых обязательств органично связаны между собой и ни в коей мере друг другу не противоречат. Другое дело, что права государства, призывающего к ответственности по ст. 48 Проекта 2001, нуждаются ещё в дальнейшей конкретизации и уточнении.

Так, ещё на стадии обсуждения предварительного варианта ст. 48 специалисты обращали внимание на то, что полномочия государства, не являющегося потерпевшим, по призыванию к ответственности нуждаются не только в большей конкретизации, но и могут быть оспорены с позиции основных принципов международного права. В частности, было выражено сомнение в том, что призывание к прекращению международно-противоправного деяния и предоставлению заверений и гарантий его неповторения вообще может рассматриваться в качестве призывания к ответственности. Его трудно отличить от обычного протеста, поскольку оно не содержит дополнительных требований о совершении правонарушителем конкретных действий по ликвидации последствий противоправного деяния [см.: 17, р. 1213]. С теоретической точки зрения это объясняется тем,

что функционально призывание к прекращению международно-противоправного деяния и предоставлению гарантий его неповторения имеет перспективный, а не ретроспективный характер, что свойственно для большинства норм права международной ответственности в целом и для норм по ликвидации последствий международно-противоправного деяния, в частности. Иными словами, призыв к прекращению международно-противоправного деяния и предоставлению гарантий его неповторения главным образом направлен на регулирование будущего поведения государства-правонарушителя по исполнению основного первичного обязательства. Оно сопутствует ему. В то время как нормы по ликвидации последствий международного правонарушения (требования по возмещению ущерба) направлены в прошлое [см.: 14, р. 24, 25].

Кроме этого, большие споры вызвало рассмотрение ситуации о правомочности государства, не являющегося потерпевшим, призывать правонарушителя к исполнению обязательства по возмещению в интересах потерпевшего государства или бенефициариев нарушенного обязательства, если само потерпевшее государство или указанные бенефициарии воздерживаются от предъявления претензий. Так, Великобритания заявила о том, что если потерпевшее государство «предпочитает не предъявлять требования, то его позиция должна рассматриваться как аналогичная отказу от предъявления требований <...> и подобно тому, как потерпевшее государство утрачивает тем самым право ссылаться на ответственность, должна исключаться и возможность выдвижения этого требования от его имени» [6, с. 84–85]. Хотя эта позиция не нашла поддержки у большинства членов Комиссии, впоследствии в доктрине отмечалось, что позволение одному государству выдвигать претензии от имени и в интересах другого в случае правомерного отказа последнего от данных действий нарушает принцип суверенного равенства государств, автономию потерпевшего и не имеет четких правовых оснований [см.: 17, р. 1214].

Выводы. Закрепление в п. 1 (b) ст. 48 Проекта 2001 права на призывание к ответственности государства за нарушение обязательств в отношении международным сообществом в целом позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, появление самой этой нормы в данном документе завершило дискуссию о её целесообразности и своевременности и, тем самым, способствовало утверждению в современном международном праве древнеримской теории *actio popularis*, позволяющей государствам, не являющимся жертвами международных правонарушений, поднимать вопросы о привлечении к международно-правовой ответственности государств, совершивших нарушения норм общего международного права. Дальнейшие обсуждения нормы 1 (b) ст. 48 Проекта 2001 могут касаться теперь только её содержательного наполнения и международно-правовых механизмов реализации.

Во-вторых, общепризнанное значение Проекта 2001 в формировании общего обычного международного права даёт основание утверждать, что его норма п. 1 (b) ст. 48 является одним из таких обычаев. Проект 2001 воплощает в данном случае не только экспертный, но и общий международный политический

консенсус в отношении как её настоящего содержания, так и общего юридического значения.

В-третьих, содержание нормы п. 1 (b) ст. 48 Проекта 2001 предполагает новое толкование таких понятий, как «международное сообщество в целом» и «обязательства в отношении международного сообщества в целом». Касательно первого из них Комиссия вышла за рамки традиционных представлений о международном сообществе как сообществе суверенных государств, утвердившихся в международном праве во многом благодаря ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., в которой говорится о принятии и признании императивных норм общего международного права «международным сообществом государств в целом». Новое представление о «международном сообществе» выходит за рамки межгосударственного подхода и предполагает более активную роль в вопросах соблюдения международной законности всех участников международных отношений – субъектов международного права.

Новая тенденция прослеживается и в отношении толкования понятия «обязательства в отношении международного сообщества в целом». Комиссия подчеркнула его новаторский, прогрессивный характер, претендующий на некий новый уровень понимания сущности норм общего международного права. Комиссия умышленно отказалась от использования термина *erga omnes*; а отношения, касающиеся нарушений норм *jus cogens*, выделила в отдельный раздел Проекта 2001. Вместе с тем анализ этого документа и устоявшихся доктринальных позиций показывает, что понятие «обязательства в отношении международного сообщества в целом» ещё нуждается в дальнейшем широком научном обсуждении. На данный момент оно слабо отграничено от смежных категорий – норм *jus cogens* и *erga omnes*, – что неизбежно будет негативно сказываться на практическом применении п. 1 (b) ст. 48 Проекта 2001 и потому нуждается в дальнейшем уточнении.

Список литературы

1. Ануфриева Л. П. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). *Московский журнал международного права*. 2021. № 1. С. 6–27. doi: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27> (дата звернения: 10.05.2021 г.).
2. Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата звернения: 10.05.2021 г.).
3. Ежегодник Комиссии международного права 1998. Т. II. Часть вторая: Доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе её пятидесятой сессии. *A/CN.4/SER.A/1998/Add.1 (Part 2)*. ООН, Нью-Йорк, Женева, 2005. 136 с.
4. Ежегодник Комиссии международного права 2001. Т. II. Часть вторая: Доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе её пятьдесят третьей сессии. *A/CN.4/SER.A/2001/Add.1 (Part 2)*. ООН, Нью-Йорк, Женева, 2007. 256 с.
5. Курис П. М. Международные правонарушения и ответственность государств : монография. Вильнюс : Минтис, 1973. 280 с.
6. Ответственность государств: комментарии и замечания, полученные от правительств. *UN Doc. A/CN.4/515 (19 March 2001)*. Russian. 108 с. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/437502?l-p=ru> (дата звернения: 19.06.2021 г.).

7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 (A/RES/56/83) от 12 декабря 2001 г. «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/83> (дата звернения: 10.05.2021 г.).
8. Черниченко С. В. Взаимосвязь императивных норм международного права (jus cogens) и обязательств erga omnes. *Московский журнал международного права*. 2012. № 3. С. 3–17.
9. Aceves W. J. Actio Popularis – The Class Action in International Law. *University of Chicago Legal Forum*. 2003. Vol. 2003. Issue 1. Art. 9. Pp. 353–402.
10. Bird, A. Third State Responsibility for Human Rights Violations. *European Journal of International Law*. 2010. Vol. 21. No. 4. Pp. 883–900.
11. Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited: Judgment of 5 February. *I.C.J. Reports*. 1970. P. 32.
12. Chubrikj S., Dimovska N. C. Use of Actio Popularis to Cases of Discrimination. Skopje: Helsinki Committee for Human Rights in the Republic in Macedonia. 2016. 29 p.
13. Diss. Opinion of President Winiarski. South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa), Preliminary Objections, Judgment of 21 December 1962. *I.C.J. Reports*. 1962. P. 452.
14. Kawasaki K. The 'Injured State' in the International Law of State Responsibility. *Hitotsubashi Journal of Law and Politics*. 2000. Vol. 28. P. 17–31.
15. Krivenkova M. Legal Entities Entitled to Invoke International Responsibility. *Journal of History Culture and Art Research*. 2018. 7(4). Pp. 146–152. doi: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v7i4.1825>.
16. Schwelb E. The Actio Popularis and International Law. *Israel Yearbook on Human Rights*. 1972. Vol. 2. Pp. 46–56.
17. Scobbie I. The Invocation of Responsibility for the Breach of 'Obligations under Peremptory Norms of General International Law'. *European Journal of International Law*. 2002. Vol. 13. No. 5. Pp. 1201–1220.
18. Separate Opinion of Judge Jessup. South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa), Preliminary Objections, Judgment of 21 December 1962. *I.C.J. Reports*. 1962. P. 425.
19. South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa), Second Phase, Judgment of 18 July 1966. *I.C.J. Reports*. 1966. P. 6.
20. S.S. Wimbledon (U.K., France, Italy & Japan v. Germany), 1923 P.C.I.J. (ser. A) No. 1 (Aug. 17). *Publications of the Permanent Court of International Justice, Series A – No. 1; Collection of Judgments and Orders*. A.W. Sijthoff's Publishing Company, Leyden, 1923. Pp. 15–34.
21. Weiss E. B. Invoking State Responsibility in the Twenty-First Century. *The American Journal of International Law*. 2002. Vol. 96. Pp. 798–816.

References

1. Anufrieva, L.P. (2021). Principy v sovremennom mezhdunarodnom prave (nekotorye voprosy poniatija, prirody, genezisa, sushchnosti i sodержaniya). *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 1, 6–27. doi: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27> [in Russian].
2. Venskaja konventzija o prave mezhdunaridnykh dogovorov, 23 Maja 1969 hoda. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml [in Russian].
3. Ezhegodnik Komissii mezhdunarodnogo prava 1998. (2005). Tom. II. Chast 2: Doklad Komissii Generalnoi Assamblei o rabote jejio 50 sessii. A/CN.4/SER.A/1998/Add.1 (Part 2). UN, New-York, Geneva [in Russian].
4. Ezhegodnik Komissii mezhdunarodnogo prava 2001. (2007). Tom. II. Chast 2: Doklad Komissii Generalnoi Assamblei o rabote jejio 53 sessii. A/CN.4/SER.A/2001/Add.1 (Part 2). UN, New-York, Geneva [in Russian].
5. Kuris, P.M. (1973). Mezhdunarodnyje pravonarusheniya i otvetstvennost gosudarstv. Vilnjus: Mintis [in Russian].
6. Otvetstvennost gosudarstv: kommentarii i zamechanija, poluchennyje ot pravitelstv. *UN Doc. A/CN.4/515 (19 March 2001)*. Russian. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/437502?ln=ru> [in Russian].

7. Rezoljutzija Generalnoi Assamblei OON 56/83(A/RES/56/83) ot 12 dekabnja 2001 h. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/83> [in Russian].

8. Chernichenko, S.V. (2012). Vzaimosviaz imperativnykh norm mezhdunarodnogo prava i obiazatelstv erga omnes. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 3, 3–17 [in Russian].

9. Aceves, W.J. (2003). Actio Popularis – The Class Action in International Law. *University of Chicago Legal Forum*, vol. 2003, issue 1, art. 9, 353–402.

10. Bird, A. (2010). Third State Responsibility for Human Rights Violations. *European Journal of International Law*, vol. 21, 4, 883–900.

11. Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited: Judgment of 5 February. (1970). *I.C.J. Reports*, 32.

12. Chubrikj, S., Dimovska, N.C. (2016). Use of Actio Popularis to Cases of Discrimination. Skopje: Helsinki Committee for Human Rights in the Republic in Macedonia.

13. Diss. Opinion of President Winiarski. (1962). South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa), Preliminary Objections, Judgment of 21 December 1962. *I.C.J. Reports*, 452.

14. Kawasaki, K. (2000). The ‘Injured State’ in the International Law of State Responsibility. *Hitotsubashi Journal of Law and Politics*, vol. 28, 17–31.

15. Krivenkova, M. (2018). Legal Entities Entitled to Invoke International Responsibility. *Journal of History Culture and Art Research*, 7(4), 146–152. doi: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v7i4.1825>

16. Schwelb, E. (1972). The Actio Popularis and International Law. *Israel Yearbook on Human Rights*, vol. 2, 46–56.

17. Scobbie, I. (2002). The Invocation of Responsibility for the Breach of ‘Obligations under Peremptory Norms of General International Law’. *European Journal of International Law*, vol. 13, 5, 1201–1220.

18. Separate Opinion of Judge Jessup. (1962). South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa), Preliminary Objections, Judgment of 21 December 1962. *I.C.J. Reports*, 425.

19. South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa), Second Phase, Judgment of 18 July 1966. (1966). *I.C.J. Reports*, 6.

20. S.S. Wimbledon (U.K., France, Italy & Japan v. Germany). (1923). P.C.I.J. (ser. A) No. 1 (Aug. 17). *Publications of the Permanent Court of International Justice, Series A – No. 1; Collection of Judgments and Orders*, A.W. Sijthoff’s Publishing Company, Leyden, 15–34.

21. Weiss, E.B. (2002). Invoking State Responsibility in the Twenty-First Century. *The American Journal of International Law*, vol. 96, 798–816.

Shchokin Yu. V., Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the European Union Law Department, Yaroslav Mudryi National Law University, Ukraine, Kharkiv.
e-mail: yuri.v.shchokin@gmail.com ; ORCID 0000-0002-8082-2367

Invocation of State Responsibility for Violation of Obligations Owed to the International Community as a Whole

The article discusses the features of the application of paragraph 1 (b) of Art. 48 of the Draft Articles on State Responsibility, developed by the UN International Law Commission and taken into consideration by the UN General Assembly by its resolution 56/83 of December 12, 2001. The norm of this article enshrines the right of any state that is not a victim to call to international legal responsibility state that has committed a breach of an obligation owed to the international community as a whole. This rule contributes to the establishment in modern international law of the ancient Roman theory of actio popularis, according to which any citizen could file a claim in the public interest.

The UN International Law Commission is considering paragraph 1 (b) of Art. 48 of the 2001 Draft Articles on State Responsibility as a result of the progressive development of International Law. This is manifested primarily in a new approach to the interpretation of concepts such as “the international community as a whole” and “obligation owed to the international community as a whole”. The article

notes that the concept of «the international community as a whole» should no longer be considered as a community of sovereign states, since it already presupposes a more active participation in maintaining international legitimacy of all participants of international relations – subjects of international law.

In addition, attention is drawn to the fact that the concept of “obligation owed to the international community as a whole” is a new category proposed by the International Law Commission as a part of the progressive development of the theory of *erga omnes* and *jus cogens* norms. The author compares these types of obligations and points out a number of problems that may arise while interpreting this concept in order to apply this rule in practice.

Keywords: *actio popularis*; international legal responsibility of states; invocation of the international legal responsibility; obligations owed to the international community as a whole; international community; *jus cogens* norms; *erga omnes* norms.

Рекомендоване цитування: Щёкин Ю. В. Призвание к ответственности государства за нарушение обязательств в отношении международного сообщества в целом. *Проблеми законності*. 2021. Вип. 154. С. 274–287. doi: <https://doi.org/10.21564/2414-990X.154.238587>.

Suggested Citation: Shchokin, Yu.V. (2021). Prizvanie k otvetstvennosti gosudarstva za narushenie objazatel'stv v otnoshenii mezhdunarodnogo soobshhestva v celom [Invocation of State Responsibility for Violation of Obligations Owed to the International Community as a Whole]. *Problemy zakonnosti – Problems of Legality, issue 154, 274–287*. doi: <https://doi.org/10.21564/2414-990X.154.238587> [in Russian].

Надійшла до редколегії 10.08.2021 р.